

Глушковски М. 2010. *Факторы способствующие сохранению средневеликорусских диалектных черт у польских старообрядцев*, „Липоване. История и культура русских старообрядцев” 8/2011, Киев, с. 194-197

Михал Глушковски, к.ф.н.
Институт славянской филологии,
Университет Николая Коперника,
Торунь, Польша

*Факторы способствующие сохранению русских диалектных черт в языке польских старообрядцев*¹

Анализ языковой ситуации и состояния диалекта польских староверов связан с историческими и социальными обстоятельствами. Старообрядцы на территории современной Польши появились в конце XVIII в., хотя на землях Речи Посполитой они прибыли скоро после раскола ещё в XVII в. Вплоть до середины XX в. они проживали в двух более или менее компактных регионах: сувальско-августовском и мазурском, отдалёнными друг от друга на около 130 км. Ещё в первой половине XX века у жителей этих регионов был постоянный контакт со староверами сегодняшней Литвы, которой значимая часть находилась тогда в границах польского государства. Несмотря на проживание в польском языковом окружении до начала XX века многие старообрядцы, особенно женщины, были одноязычными, так как из-за ограниченных контактов с внешним миром они не нуждались в знании польского языка² – они находились в пределах Российской Империи и не теряли связи со старообрядческими общинами на территории Беларуси и стран Балтии.

После 1945 г. говор польских старообрядцев становится полностью островным. Они теряют связь также со своими единоверцами этого региона, которые были переселены на территорию СССР. В этом регионе их осталось сначала ок. 2000, а в настоящее время ок. тысячи. Главными пунктами поселения являются города Сувалки (Suwałki, около 300 ч.) и Августов (Augustów, около 100 ч.), а также находящиеся около 12 км от Августова две расположенные рядом деревни Габове Гронды (Gabowe Grądy) и Бур (Bór), практически полностью заселённые старообрядцами (около 150 ч.). Однако благодаря свойственной старообрядцам тенденции к изоляции ещё некоторое время влияние польского языка на говор не было очень сильным. Постепенно, в результате воздействия обучения в польских школах, роста роли СМИ, работы в городе и

¹ Данная статья написана при финансовой поддержке Фонда для польской науки – автор является стипендиатом программы СТАРТ (2010).

² С. Гжибовский, М. Глушковский, *Социолингвистическая ситуация старообрядцев в деревнях Габове Гронды и Бур // Русские старообрядцы. Язык. Культура. История. Сборник статей к Международному съезду славистов*, Л. Л. Касаткин (ред.), Москва 2008, с. 204-205

значительного сокращения численности старообрядцев в Польше, община вышла из изоляции, вступая в фазу открытости на рубеже шестидесятых и семидесятых годов XX в. Сила этих изменений в жизни и языке польских старообрядцев особенно возросла на рубеже XX-XXI вв. и сказывается в состоянии их говора. Последние десятилетия XX века можно определить как фазу окончательного открытия общины.

Определением языковой родины старообрядцев сувальско-августовского региона занималась И. Грек-Пабис. Еще в 1950 и 1960 гг. она нашла в их языке многие фонетические, морфологические и синтаксические черты средневеликорусских говоров окрестностей Пскова, Новгорода и Великих Лук³. В нашем анализе сохраненных диалектных явлений будут использованы результаты исследований И. Грек-Пабис. Состояние говора в 50-х и 60-х гг. XX в. является для нас исходной точкой для сравнения с современностью, так как мы не располагаем настолько подробным описанием говора польских староверов более раннего времени. В свою очередь, сопоставление нашего языкового материала с аналогичными характеристиками современных говоров окрестностей Пскова, Новгорода и Великих Лук, нецелесообразно, потому что русские говоры в России развивались в других условиях, чем за рубежом, подвергались влиянию не польского языка, а общего стандарта русского языка. Поэтому их эволюция потекла по другому пути.

Конечно, говор польских староверов постоянно изменяется – наиболее заметны изменения в области лексики – заимствования, и фонетики – в консонантной системе произошла смена мягкостной корреляции: русские мягкие согласные [t'], [d'], [s'], [z'] заменены польскими среднеязычными [ć], [ź], [ś], [ź], зубной [ɬ] замещён глайдом [w], что в своих исследованиях доказал С. Гжибовский⁴. Со сменой поколений усиливаются польские звуковые эталоны как в консонантизме, так и вокализме. Сохраняется лишь русская акцентуационная система в исконно русской лексике и некоторых заимствованиях, а также русский безударный вокализм. С. Гжибовский полагает, что фонологическая система польских старообрядцев является уже отчасти гибридным образованием⁵. Изменения заметны также на уровне морфологии и синтаксиса, но пока морфология является наиболее прочной частью системы, а синтаксические изменения

³ I. Grek-Pabisowa, *Rosyjska gwara staroobrzędowców w województwach olsztyńskim i białostockim*. Wrocław 1968.

⁴ S. Grzybowski, *Гибридизация русского говора старообрядцев под влиянием польского языка (Габове Гронды и Бур)* // выступление на конференции *Język. Kultura. Literatura. Z polsko-wschodniostowiańskich kontaktów. XII Międzynarodowa Konferencja Slawistyczna 23-24.06.2007*, Olsztyn.

⁵ Там же.

появляются прежде всего при попытке употребления говора на уровне развитого кода (согласно дефиниции Б. Берштейна)⁶.

В этом докладе мы сосредоточимся на наиболее четких примерах сохранения средневеликорусских черт в языке польских староверов, т.е. тех явлениях, которые были описаны И. Грек-Пабис в 60-е гг. и существуют до сих пор. На уровне фонетики, постоянно встречается сильное яканье и аканье с элементами умеренного и диссимилятивно-ассимилятивного, напр. *vad'a*, *an'a*, *r'ak'a*, *śastr'a*⁷. Заударный гласный *a* в конце слова после твёрдых согласных чаще всего редуцируется и произносится как *ə*, но как Грек-Пабис⁸, так и мы обратили внимание на частую редукцию до *y*, напр. *d'obryja* (И. е.ч., ж.), *na'učnyja* (И. е.ч., ж.), *m'ātuja* (И. е.ч., ж.). Безударный гласный *e* в конце слова чаще всего редуцируется до *é*, хотя иногда редуцируется до *i*, напр. *p'ósl'i*, *v ij'úni*⁹.

В говоре польских староверов безударный *u* переходит в *v* (*f*) в префиксах и предлогах, и в частицы *už'e* (*vže*) напр. *vže*, *ftap'íc*, *v nas*, *v níx*, *v név'ó*, *vm'ejet*, но это явление нерегулярно¹⁰. Переход *u* в *v* (*f*) выступает в разных поколениях исследуемой нами группы. Но есть также относительно частые примеры таких высказываний как: *né um'eju ja*, *rab'otu um'el'i zž'etać*, *kak už'e pr'iš'ół*. Можно положить, что отсутствие перехода *u* в *v* (*f*) вызвано влиянием общерусского языка, так как некоторые из наших информантов ездили на Восток, или слушают русскоязычные передачи по радио и телевидению.

Грек-Пабис обратила внимание на протетический йот в указательном местоимении *j'etat* (*j'eta*)¹¹. В настоящее время йотированные местоимения выступают параллельно с вариантами без йота, свойственными литературному варианту русского языка, что также может быть связано с влиянием общерусского языка, напр. *j'eta stad'óta*, *j'etat dom* но: *k'etamu*, *'eta rab'óta*, *'etamu d'etu*.

Сочетания *-šć-*, *-sč-* и *-zč-* по наблюдениям Грек-Пабис произносятся как два звука *š* + *č* или *š' + č'*¹². Это явление выступает и сейчас *š + č*, напр. *pt'óščaž*, *šč'otka*, *v'eščy*,

⁶ M. Głuszkowski, *Язык молодого поколения старообрядцев деревень Габове Гронды и Бур* // „Slavia Orientalis” 2/2006, с. 257.

⁷ I. Grek-Pabisowa, *Rosyjska gwara...*, с. 26-34 и др.

⁸ Там же, с. 34-35.

⁹ Ср. M. Głuszkowski, *Zachowane cechy dialektalne oraz wpływy polskie w rosyjskiej gwarze przedstawiciela starszego pokolenia staroobrzędowców regionu augustowskiego* // „Acta Baltico-Slavica” 34/2010, с. 160.

¹⁰ I. Grek-Pabisowa, *Rosyjska gwara...*, с. 51-52.

¹¹ Там же, с. 68.

¹² Там же, с. 61.

ješč'ó. В русском литературном языке согласный *č'* всегда является палатальным, а в говоре старообрядцев преобладает непалатальный вариант *č*, напр. *šejčas, če'vo, č'yustyj*. Иногда, предположительно под влиянием общерусского языка выступает вариант *č'*: *oč'eń, t'eč'eńje*. Колебания выступают даже в рамках одного слова у одного информанта, напр. *č'etav'ek, četav'ek'e*¹³.

В сравнении прилагательных некоторые наши информанты употребляют суффикс *-oš-* в сравнительной степени, напр. *l'ag'óše /pr'ig'ónit pada'ít', stram'aja kr'yša kr'er'óše*. Другим диалектным суффиксом является *-ošč-*, употребляемый вместе с родовым окончанием, напр. *kr'er'óščuj: l'ist n'yúne kr'er'óščuj*

В говоре польских староверов выступает также чужая литературному языку форма притяжательного местоимения *jev'onav(a)*¹⁴, напр. *i jev'onova /pa raz'ít'el'ax ž'atka; jev'onova m'atka*.

Во втором спряжении в 3 лице мн.ч. факультативно употребляется безударное окончание *-ut*, свойственно 1-ому спряжению¹⁵, напр. *tak x'od'ut ž'ík'i r'ojut; ne v'yd'eržut; vas v't'urm'u za'eta ne pas'ažút*. Глагол *idt'ít* и другие из этого гнезда выступают с окончанием *-tit' (ćić)*, напр. *m'ožna tož as'obna ić'ć; p'er'ez akn'ó vyjć'ć*.

В середине XX в. формы прошедшего времени часто образовались с употреблением причастий, образованных с помощью суффиксов *-šy, -všy, -čy*, они иногда и сейчас выступают в функции сказуемых, напр. *my b'yl'i pašel' tvšy v gr'óžéńskaj' oblaśc'i*.

У многих информантов выступает диалектная лексика, не выступающая в русском литературном языке, напр. *bark'an* в значении 'морковь', *an'a byl'a xv'oraja; v'nom b'yla fšo /zb'ožuja; Raš'eja* вместо *Россия – pat P'olšej /čy tam pat Raš'ejej*, или *P'olšča: net u nas v P'olščy, br'idk'oj* и др.

Какие факторы способствуют, или противостоят сохранению средневеликорусских черт в языке польских староверов? Многие из них на первый взгляд кажутся очевидными:

а) Говор тесно связан с традицией и употребляется для общения внутри группы. У большинства старообрядцев билингвизм связан с диглоссией. В соседских контактах, в разговорах на темы повседневной жизни, религии и обычаев, они говорят на местном

¹³ М. Głuszkowski, *Zachowane cechy dialektalne...*, с. 161.

¹⁴ I. Grek-Pabisowa, *Rosyjska gwara...*, с. 113-115.

¹⁵ Там же, с. 145-146.

говоре, а в официальных ситуациях, на работе или с польскоязычными знакомыми употребляют польский язык. Поэтому можно предполагать, что те, кто чаще употребляет язык предков и чаще общается в группе, свободнее владеет этим языком и сохраняет больше его характерных черт. Этот факт подтверждается в наших наблюдениях.

б) Вместе с этим фактором, существует противоположная сила. Из-за цивилизационных изменений внутренние ценности оказываются не в состоянии противодействовать внешнему миру, происходит амальгамация меньшинства. Число работающих в собственном хозяйстве сократилось в последнее время почти до нуля. Старообрядцы, работающие в городах, принимают новую модель жизни, в которой для религии и традиции всё меньше места. Миграция сельского населения, особенно молодых женщин, в город сокращает количество браков и рождаемость. Все эти факторы не способствуют не только развитию, но даже сохранению существующей старообрядческой общины, а вместе с ней – традиционного диалекта.

в) Молодое поколение более погружено в польскую среду, подвергается сильнейшим влияниям не-старообрядческого окружения, реже общается с членами общины, и.т.д. – вследствие чего хуже, т.е. менее свободно и в ограниченных рамках владеет языком предков. Молодёжь очень редко употребляет причастные и деепричастные формы, их лексические ресурсы беднее, а синтаксические формы проще – все эти положения позволяют сделать вывод, что сохранение диалектных явлений зависит от поколения.

Конечно, все эти тезисы, факты, подтверждены наблюдениями. Однако таким способом нельзя закончить наш анализ. Хотя положения верны, они являются неполными. Те же наблюдения показали, что многие диалектные черты выступают и в молодом поколении. Более того, есть примеры детей и подростков, которых диалектные ресурсы ограничиваются коммуникативным минимумом, но фонетические явления или лексика у них вполне соответствуют описанным нормам, что видно напр. в ассимиляции заимствований, напр. в падежных формах существительных *r'overym* (Р. е.ч. м.р.) – *on j'exať r'overym* и *n'artyx* (Т. мн.ч. ж.р.) – *l'ub'im na n'artyx j'eź'ż'ić* происходит свойственная говору польских старообрядцев редукция безударного *a*, который произносится как *y*. В процессе адаптации заимствований, независимо от поколения, у наших информантов заметно влияние свойственного их говору аканья, напр. *patstav'uvka*, *agulń'ak*, *kal'eź'anka*. В высказываниях молодых староверов наблюдается также отождествление окончаний дательного падежа существительных

женского рода с родительным падежом: *paš't'a k m'amy, zańest'a b'abušk'i, kup' ita bransol'etku šestr' y*. Вместо формы *mn'oga* в исследуемом нами диалекте употребляется форма *mnog*, напр. *pr'ist'ata mnog f'ajnyx č'uxyf*. Кроме того представители молодого поколения употребляют также свойственные языку своих предков глагольные формы с протетическими гласными, напр. *an'a kv'at'ušk'i irv'ata*. Такие явления описывала И. Грек-Пабис – протетический гласный появлялся перед следующими сочетаниями согласных в начале слова *rz, rv, sv, xl, l'j* и *tg*¹⁶. Кроме того можем отметить и другие диалектные явления, которые сохранились в языке молодого поколения польских старообрядцев, напр. в 3 лице е.ч. глагола *мочь* выступает форма *m'og'et*.

Сохраненные диалектные формы не удивляют в речи представителей старшего поколения, особенно у тех, кто родился до второй мировой войны, а староверский говор является его основным кодом общения. То же самое касается и старообрядцев в среднем возрасте, которые живут в деревне и с детства говорят на русском диалекте. Но в случае многих наших молодых информантов вышеописанные диалектные явления сохранились несмотря на их скромные языковые ресурсы в области языка предков. В некоторых случаях редукция безударного *a* → *y*, отождествление окончаний дательного и винительного падежа существительных женского рода и несколько наиболее распространенных лексических единиц это единственные признаки, свидетельствующее о том, что высказывания данного индивида опираются на русские основы. Примером такой полонизированной диалектной является сказка о Красной Шапочке, рассказанная молодым парнем, которому во время записи было 12 лет:

był sab'e Červ'onyj Kapt'uryk // on m'ešk'at v d'omu / tam ž'yta jev'o m'ama / papa i... i v'so // a b'abka m'ešk'ata za las'om // i m'ama sp'ekta b'ułku i nagatav'ata jiść // i m'ama pav'ež'ata dla Červan'ova Kapt'urka / št'oby zań'osta jiść b'abk'e // i Červ'onyj Kapt'uryk zgaž'it'sa // i m'ama skaz'ata / št'oby an'a iš't'a drag'oj / ně l'esam / bo m'oget napatk'ać v'ołka // i an'a pov'ež'ata / že d'obra / ale ona paš't'a l'esam // iš't'a / zerv'ata kv'atuškuv i napatk'ata v'ołka // i vołk skaz'at jej št'oby an'a ně baj'ataś jev'o

Рассказ полон заимствований из польского языка. Однако повествование происходит на русском диалекте. Парень старался передать содержание известной ему истории, но из-за недостаточной компетенции в области говора – в особенности: лексических недостатков, он был вынужден употреблять элементы польского кода.

¹⁶ Там же, с. 54.

Однако даже в такой смешанной, или гибридной речи, модно заметить явления, которые уже упоминались, напр. редукция гласного *a* → *y* в слове *Kapt'uryk* (ср. польск. *Kapturek* [Kapt'urek]) или выравнивание основ с инфинитивом *idt' i* в глагольной форме *išl'a*.

Интересные и неоднозначные факты наблюдаются также в среднем поколении. Согласно утверждениям из пунктов а) и б) старообрядцы в среднем (и, конечно, младшем) возрасте, проживающие в городах, редко говорят на диалекте и из-за отсутствия языковой практики забывают традиционный говор своей общины. В их случае польский язык является основным кодом практически во всех сферах жизни, кроме религиозной. Однако, даже у городских старообрядцев, но только у тех, которые воспитывались в деревне и когда-то говорили на диалекте относительно часто, можно заметить языковые явления характерные для говора польских старообрядцев. Это напр. факультативное употребление безударного окончания *-ut* (3 лицо мн.ч.), свойственного 1-ому спряжению, в глаголах 2-ого спряжения *sm'otr'ut str'anna na četov'eka*; появление глагольной формы *išl' i* (выравнивание основ с инфинитивом *idt' i*) *st'užby išl' i vso vr'em'a*; свойственная говору польских старообрядцев форма глагола *moč' – m'og'em pagavar' ić*; яканье и аканье в диалектных словах *eta r'ak'a, vad'a* и заимствованиях – *samax'od*, а также другие явления часто встречающиеся в языке исследуемой нами группы. Надо отметить, что уровень владения диалектом у представителей этой группы относительно низкий – по сравнению с их сверстниками, проживающими в деревенском окружении. Они употребляют говор лишь в ограниченной сфере, а их лексические ресурсы ограничиваются ок. 50-100 словами и «знанием» флексии. Какие же факторы помогли им сохранить эти формы? Это прежде всего своеобразная эмоциональная связь с традиционным старообрядческим говором и социальными ценностями, которые с ним сочетаются. Фактором, способствующим сохранению диалектных форм, по нашим наблюдениям является уважение к старшим членам общины. Дети и внуки, не хотя обидеть дедов и родителей, особенно проживающих или воспитывавшихся в сельской местности, стараются говорить с ними на русском диалекте. Однако, они не в состоянии свободно пользоваться языком предков и употребляют только определенные конструкции, ограниченные коммуникативным минимумом, а все попытки покинуть границы этого минимума или стимулируют процесс заимствования, или сразу ведут к переключению кода на польский. «Связь с групповыми ценностями» и является самым главным фактором, противодействующим

полному исчезновению старообрядческого говора в городской среде. Следует обратить внимание также на то, что нет никаких прагматических причин, которые вынуждали бы говорить на диалекте старообрядцев, проживающих в городах. Все, даже старейшие члены общины в городах Сувалки, Августов и др., хорошо знают польский язык. В литургической сфере они пользуются церковнославянским языком – таким образом нет сферы жизни, в которой русский говор был бы единственным коммуникативным кодом. Общины в городах вполне эффективно могут пользоваться двумя языкам: польским и церковнославянским, использование русского диалекта не обусловлено никакими практическими причинами и противоречит языковой экономии. Из анализов В. Макея вытекает, что если в двуязычной общине все члены знают один язык (кроме того все, или часть из них могут знать также другие языки), то для внутригрупповой коммуникации двуязычие им не нужно¹⁷. Такая ситуация наблюдается среди городских старообрядцев в Польше. Но, как показывает настоящий пример, прагматическим и экономическим факторам могут противодействовать другие факторы, и оказывается, что даже в неблагоприятных для традиционного говора условиях в идиолектах наших информантов сохраняются некоторые диалектные черты.

Факт сохранения русских диалектных форм и явлений в речи молодого поколения или информантов в среднем возрасте, проживающих в городе, отнюдь не свидетельствует о том, что прежние положения в пунктах а), б) и в) неверны. Однако оказывается, что влияние каждого из названных нами факторов является относительным и зависит от других обстоятельств. Среди них следует обратить внимание на одно, которое уже упоминалось – влияние общерусского языка. Удалось проанализировать достаточно много примеров, чтобы сделать убедительный вывод о том, что если данный информант пользуется стандартным русским языком, прежде всего в профессиональной жизни, литературный вариант вытесняет говор из такого идиолекта. Иногда такие информанты довольно свободно владеют русским языком, некоторые из них даже закончили русскую филологию, но диалект, на котором они говорили в детстве и молодости, забывается.

Данные выводы сделаны на основании пока частичных количественных анализов языкового материала, но исследования продолжаются и мы стараемся расширить глубинный качественно-количественный анализ, чтобы подтвердить актуальные результаты.

¹⁷ W.F. Mackey, *The Description of Bilingualism* (1962) // Fishman Joshua (ред.), *Readings in the Sociology of Language*, The Hague 1968, с. 555.

ключевые слова: русский диалект, старообрядцы, Польша, сохранение диалекта, отмирание языка, социальные условия

Factors influencing maintenance of Russian dialect features in Polish Old Believers' language

Key words: Russian dialect, Old Believers, Poland, dialect maintenance, language attrition, social conditions